

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОТОРОБИНЗОНАДЫ

Популярность Робинзона заставляет нас обратиться к более ранним, но забытым работам, которые считались подражаниями Дефо, в то время как некоторые из них сами стали основой для создания истории Крузо.

Д. Фосетт. Странные удивительные источники Робинзона Крузо

Успех романа Даниэля Дефо «Удивительные приключения Робинзона Крузо», в котором рассказывалось о жизни отшельника на необитаемом острове, привел к рождению нового литературного жанра — так называемых «робинзонад».

Сам термин «робинзонада» был впервые использован немецким писателем Иоганном Шнабелем в 1731 году. Герои робинзонады, в силу обстоятельств вырванные из комфорта цивилизации, должны использовать всю свою изобретательность и силу воли, чтобы выжить в условиях необитаемого острова или дикой земли. Как отмечает Аникст, если традиционный авантюрно-приключенческий роман строится на конфликте между людьми, робинзонада имеет своим сюжетным стержнем борьбу обособленного человека с противостоящей ему природой (оговорим, впрочем, что в книге Дефо герою противостоят не только природные стихии, но и кровожадные туземцы-каннибалы, один из которых — Пятница — становится его слугой и другом)¹.

Сам Дефо никогда не признавался в авторстве «Робинзона Крузо». Не всем известно, что наряду с «Удивительными приключениями» и продолжением романа — «Дальнейшими приключениями» писатель выпустил и третью часть эпопеи — «Серьезные размышления Робинзона Крузо», не переведенную на русский язык. В предисловии к ней содержатся следующие слова: «Я, Робинзон Крузо, будучи в здравом уме и твердой памяти... подтверждаю, что эта история, хотя и аллегорическая, является также исторической и что она является превосходным изображением жизни, полной неслыханных несчастий, по своему разнообразию не имеющих чего-то подобного в мире»².

Александр Балод родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им Н. А. Вознесенского; занимался социологией и экономикой, работал в сфере науки, на фондовой бирже и в промышленности. Автор более трех десятков научных статей и книг социально-экономической тематики. В последние годы занимался историей и литературоведением. Публиковался в журналах «Нева» и «Новый мир», выпустил статьи о творчестве Виктора Пелевина. В 2017 году в издательстве «Вече» вышла его книга «Злоключения знаменитых путешественников. Кто был Робинзон?». Живет в Санкт-Петербурге.

¹ А. Аникст. Робинзонада. — Литературная энциклопедия. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского, 1929—1939.

² The Serious Reflections During the Life and Surprizing Adventures of Robinson Crusoe. With His Vision of the Angelick World. Written by Himself. W. Taylor, 1720.

Мнимая «достоверность» приключений Крузо объясняется просто: в ту далекую эпоху европейский и, в первую очередь, британский читатель отдавал предпочтение документальным книгам, в которых содержалась «правда жизни», и признание того, что история отшельника была вымыслом, нанесло бы ущерб как репутации самого автора, так и прибылям его издателя. Сам стиль писателя, в котором фантазия была «загримирована под реальность, а невероятное изображено с реалистической достоверностью» и повествование от первого лица способствовали тому, что читатели, во всяком случае наиболее простодушные из них, поверили в правдивость истории, сколь бы невероятной и удивительной она ни выглядела.

«Робинзон Крузо» — произведение разноплановое. Как отмечают исследователи, авантюрное начало сочетается в нем с документальностью (действительной и мнимой), а традиции мемуаристики — со свойствами философской притчи³. Некоторые из этих черт были заимствованы позднейшими робинзонадами, сформировав своего рода канон жанра. Казалось бы, все очевидно: «Робинзон Крузо», роман-бестселлер начала XVIII века, дал импульс рождению нового литературного направления. Но факты — упрямая вещь, и они говорят о том, что робинзоны или, если угодно, «проторобинзоны» начали появляться задолго до выхода в свет «Робинзона Крузо».

Принято считать, что роман Дефо создан на основе морских хроник, таких, как записки знаменитого корсара-ученого Уильяма Дампира, «цейлонского узника» Роберта Нокса и капитана Вудса Роджерса (спасителя шотландского моряка Селькирка, долгое время считавшегося прототипом Крузо). Но так ли это на самом деле? Исследования ученых (не только британских) показывают, что в работе над своим знаменитым романом писатель использовал не только хроники, но и сочинения других литераторов, своих предшественников, — «проторобинзоны», из которых он заимствовал (или мог заимствовать) основные идеи своего романа, его фабулу и образы главных персонажей.

Так кто же были те «атланты», на плечах которых стоял автор Робинзона? Знаменитый Джеймс Джойс считал, что Дефо был первым британским сочинителем, пересказавшим в своем романе эпическую историю Одиссея, царя Итаки, и, наверное, тот факт, что Робинзон Крузо неоднократно упоминается в его «Улиссе», не случаен («Говорят, Робинзон Крузо, был на самом деле», — произносит один из героев романа Джойса). Сходство композиции произведений и в самом деле трудно отрицать; заслуживает внимания то обстоятельство, что «одиссея» героя Гомера, бесконечно странствующего от острова к острову, время от времени оборачивается «робинзонадой», а робинзоны героя Дефо в «Дальнейших приключениях» превращаются в одно долгое странствие, своего рода «одиссею».

Героев Гомера и Дефо роднит не только общность судеб, но и мироощущение. Великий Гегель определял гомеровскую эпоху как идеальное и героическое состояние общества, в котором «все то, чем человек пользуется и окружает себя, он ощущает как произведенное им из самого себя и видит в лице этих внешних вещей нечто принадлежащее ему, а не отчужденные предметы» (Одиссей сам смастерил себе брачное ложе, и, таким образом, к нему вполне применимы слова Пушкина о герое, который был вдобавок «мореплавателем и плотником»), мир, где «повсюду проглядывает первая радость от новых открытий, свежесть обладания, завоевание наслаждения, все родственно человеку, во всем он имеет перед собой силу своих мышц, ловкость своих рук, изощренность своего ума или результат своей смелости и храбрости»⁴. Именно в таком мире, когда «все производится и употребляется человеком

³ История зарубежной литературы XVIII века. Под ред. Плавскина З. И. — М., 1991. Соколянский М. Г. Западноевропейский роман эпохи Просвещения: Проблемы типологии. — Киев; Одесса, 1983.

⁴ Г.-Ф.-В. Гегель. Лекции по эстетике. Т. I. — СПб.: Наука, 2007. С. 310.

и человек сам приготавливает и наслаждается тем, что ему нужно», пребывал и Робинзон, для которого остров стал своего рода машиной времени, перенесшей его в далекую эпоху, когда каждому приходилось самому строить дом, изготавливать лодку и выращивать урожай.

Кроме гомеровской «Одиссеи», в числе возможных источников романа Дефо часто называют памятники средневековой арабской литературы. Писательница С. Аттат, в частности, высказывает предположение, что существуют два персонажа, которые могли стать прототипами Крузо: Хайя ибн Якзан и герой «Тысячи и одной ночи» Синдбад-мореход⁵.

С ней солидарен британский журналист М. Уэйнрайт. Он пишет: «Существует сказка, как раз для нашего бурного времени, о человеке на необитаемом острове, который держит коз, строит убежище и в конце находит отпечатки на песке. Но она не носит название „Робинзон Крузо“. Она была написана старым мусульманским мудрецом из Андалусии и является третьим наиболее переводимым текстом с арабского, после Корана и Арабских ночей. Она называется „Хайя ибн Якзан“ или „Живой, сын Бодрствующего“, и была сенсацией среди интеллектуалов времен Дефо»⁶. Хайя, главный персонаж книги, в младенческом возрасте волею судеб оказался в одиночестве на необитаемом острове, и его воспитала газель, потерявшая детеныша. Автор подробно рассказывает, как сознание отшельника развивалось от животного до человеческого, а потом и до высшего, божественного уровня⁷. Его герой обрел способность подчинять себе окружающую природу и отвлеченно мыслить, самостоятельно постигнув всю сумму философских знаний человечества и приблизившись к состоянию экстатического единения с божеством. Резонно предположить, что Ибн-Туфейль пытался доказать, что любой представитель «хомо сапиенс», даже человек, выросший вдали от цивилизации, способен, если пожелает этого, опираясь исключительно на внутренние ресурсы, познать сущность вещей и абстрактные первопринципы бытия. Роман, а точнее, философский трактат Ибн-Туфейля был переведен на латынь, а в 1674 году в Лондоне появился его первый английский перевод. Им зачитывались такие выдающиеся умы Европы, как Локк, Спиноза и Лейбниц. Дефо не был ни философом, ни глубоким мыслителем, однако содержащаяся в книге арабского мудреца идея самосовершенствования и поиска человеком собственного пути к пониманию тайн бытия (в сознании людей той эпохи неотделимая от религии), идеальным местом для воплощения которой казался необитаемый остров, не могла не импонировать будущему создателю Робинзона. Дружба Хайи и Абсалья, приехавшего на остров, заставляет вспомнить об отношениях Робинзона и Пятницы, с той разницей, что цивилизованный человек и туземец, учитель и ученик в книге Ибн-Туфейля меняются местами: Хайя, уроженец дикого острова, намного дальше продвинулся в постижении истины, чем прибывший с «большой земли» Абсаль, а в области философии и теологии далеко опередил свое время (эта ситуация обыгрывается в постмодернистских сиквелах «Робинзон», в частности, романе М. Турнье «Пятница, или тихоокеанский лимб», главным героем которого является не сам Крузо, а его туземный слуга)⁸. Герой Дефо вырос в лоне цивилизации, но, попав на необитаемый остров, должен был идти тем

⁵ Attar, Samar. *Serving God or Mammon? Echoes from Hayy Ibn Yaqzan and Sinbad the Sailor in Robinson Crusoe*. — *Robinson Crusoe: Myths and Metamorphoses*. Eds. Lieve Spaas and Brian Stimpson. London: Macmillan Press, 1996.

⁶ Martin Wainwright. — *The Guardian*, Saturday, 22 March 2003.

⁷ Роман о Хайе, сыне Якзана. — Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. — М.: Изд. Социально-экономической литературы, 1961.

⁸ Мишель Турнье. *Пятница, или тихоокеанский лимб*. — СПб.: Амфора, 2004.

же самым путем, что и Хайя — с той разницей, что ему практически не приходилось изобретать самому. В действиях и образе жизни, который они вели, отразилось глубокое различие между цивилизациями Востока и Запада: Хайя свел материальные потребности к минимуму, отдав все силы духовному развитию и познанию божественных истин, Робинзон же создавал материальный базис, обеспечивавший ему безопасность и комфорт, хотя при этом вел дневник и регулярно молился.

Отдельная тема — извечный конфликт личности и общества. Хайя, выросший в одиночестве, подобно ветхозаветному пророку, оказался чужим в мире людей; проповеди новоявленного гуру были ими отвергнуты, а его интеллектуальное и духовное превосходство вызывало неприятие и ненависть. Поняв это, отшельник был вынужден признать, что «семена идей, опущенные в неразрыхленную почву, могут произрасти плевелами, которые принесут людям больше вреда, чем пользы», и вместе с другом возвратился на остров, где вырос, чтобы провести там остаток дней. Крузо, в отличие от героя Ибн-Туфейля, не был ни мистиком, ни философом, и хотя во второй части книги возвратился на остров в устье реки Ориноко, где провел долгие 28 лет, пробыл он там недолго и снова, подобно Одиссею или Синдбаду-мореходу, отправился в долгий путь — морской, а потом и сухопутный.

В средние века, до наступления эпохи великих географических открытий, самыми искусными моряками в мире считались арабы; истории о путешествиях Синдбада-морехода из знаменитого эпоса «Тысяча и одна ночь» были не чем иным, как литературным отголоском их многочисленных путешествий.

Считать Синдбада прототипом Робинзона, разумеется, наивно, но Самар Аттар права в том, что оба эти персонажа имеют черты сходства, пусть и чисто формальные. И англичанин, и араб были не только мореплавателями, но и купцами и практически все их путешествия задумывались как торговые предприятия. Синдбад семь раз отправлялся в путешествие («Я совершил семь путешествий, и про каждое путешествие есть удивительный рассказ, который приводит в смущение умы»); Робинзон совершает примерно столько же морских поездок и несколько сухопутных. Оба героя посетили далекие страны и таинственные острова, а в конце жизни достигли богатства и благополучия. Для Робинзона самым длинным оказалось его четвертое путешествие, для Синдбада — последнее, седьмое. Сколько же времени оно продлилось? Что самое удивительное, практически столько же, как и пребывание Робинзона на острове (сам герой Дефо утверждал, что пробыл в плену острова 28 лет, но простой арифметический подсчет говорит, что речь идет скорее о 27 годах). «Мои родные высчитали, сколько времени я был в отлучке в седьмое путешествие, и оказалось, что прошло двадцать семь лет, так что они перестали надеяться на мое возвращение», — пишет автор сказки.

В XVII веке истории о морских странствиях, катастрофах на море и отшельничестве на далеких островах получили настолько широкое распространение, что фактически превратились в самостоятельный литературный жанр. В этом была своя закономерность: передовые европейские державы, в первую очередь Британия и Голландия вслед за испанцами и португальцами, встали на путь строительства глобальных колониальных империй, и главным инструментом владычества стал океанский флот. В эпоху паруса кораблекрушения были явлением почти столь же обыденным, как в наше время катастрофы на дорогах, и практически любой путешественник, отправлявшийся в дальнее плавание, подвергался риску очутиться на необитаемом острове и стать жертвой пиратов или кровожадных ликарей.

О трех практически забытых в наше время литературных робинзонадах, истории которых, с той или иной степенью вероятности, мог использовать в своем романе великий Дефо, и рассказывается в настоящей статье.

Герой с тысячью лиц

Итак, остался я один властелином всего острова и стал снова вести отшельническую жизнь, к чему у меня был не только довольный случай, но также твердое намерение и непоколебимая воля.

*Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен.
Симплициссимус*

В качестве одного из источников «Робинзона Крузо» иногда называют «плутовской роман» — литературный жанр, популярный в Европе XVII—XVIII веков, живописующий похождения «пикаро», то есть плута, жулика, авантюриста (в нашем понимании — приключенческий или авантюрный роман). Автором одного из произведений жанра, которое могло оказать влияние на творчество Дефо, был не англичанин, а практически забытый ныне немецкий писатель Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен. Гриммельсгаузен (1622—1676) ребенком был похищен солдатами, а когда вырос, участвовал в Тридцатилетней войне, был денщиком, мушкетером и полковым писарем в протестантских войсках. После подписания Вестфальского мира будущий писатель управлял поместьями, торговал лошадьми и даже открыл трактир. То ли все эти занятия не принесли богатства, то ли ему захотелось перемен, но в 1667 году Гриммельсгаузен становится претором в Ренхене; именно здесь он и написал свои главные произведения.

Книги Гриммельсгаузена, как и произведения Дефо, выходили под различными псевдонимами, которые обычно являлись анаграммами имени писателя; настоящее имя автора «Симплициссимуса» удалось установить только в XIX веке.

Главный персонаж его самого известного романа — искатель приключений Симплициссимус. Как и положено истинному герою плутовского жанра, он постоянно меняет обличье: «Симплициссимус попеременно: пастух, отшельник, шут, повар, вор, охотник, слуга, гусар, богач, актер, лекарь, мушкетер, разбойник, пилигрим, офицер, нищий, пустынный»⁹. Обычно когда сравнивают «Симплициссимуса» с «Робинзоном», рассматривают одну из последних глав книги, в которой герой волею судеб оказывается на необитаемом острове; на самом же деле параллелей между двумя романами намного больше.

Прежде чем оказаться на острове, Симплициссимус (он же Симплиций), как и полагается доброму христианину, совершает паломничество в Иерусалим. Кораблю, на котором он плыл, удалось разминуться с пиратами, но, что называется, от судьбы не уйдешь, и неподалеку от египетских пирамид его с товарищами взяли в плен разбойники.

Симплицию, как и Робинзону, попавшему в плен к пиратам Сале, повезло: «...четверо самых отчаянных разбойников приметили, что глупые люди дивятся на мою косматую швейцарскую или капуцинскую бороду и длинные волосы... того ради взяли меня как свою долю в добыче». Содрав с него одежду и опоясав красивым мехом, Симплиция в образе дикого человека водили по городам и весям побережья Красного моря, уверяя зрителей, что нашли его в пустыне¹⁰.

Прожить жизнь в качестве экспоната бродячей кунсткамеры не входило в планы героя, и, заметив в толпе уличных зевак нескольких европейцев, он обратился к ним по-латыни с просьбой помочь выволочь христианина из рук разбойников. Европейцы пожаловались паше, и тот, рассмотрев дело, постановил освободить пленника.

⁹ Литературная энциклопедия. — М., 1929—1939.

¹⁰ Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен. Симплициссимус. СПб., 1995.

Симплиций решил вернуться в Европу на португальском паруснике и вместо папничества в Иерусалим «посетить святого Якова Компостельского», но судьба снова распорядилась по-своему. Неподалеку от острова Мадагаскар началась сильная буря; волны бросили судно на риф с такой силой, что корпус разломился и в одно мгновение все вокруг было усеяно ящиками и обломками корабля. Спаслись только двое — Симплиций и корабельный плотник, которых на обломках судна вынесло на мель неподалеку от какой-то земли. Они не знали, попали в обитаемую или необитаемую страну, на материк или одинокий остров, но почему-то сразу решили, что земля эта «изобильна и плодоносна». Обследовав при свете дня место, в которое попали, потерпевшие кораблекрушение нигде не заметили ни малейших следов человеческого обитания; вокруг летали диковинные птицы, которые не боялись людей и позволяли трогать себя руками, росли лимоны, померанцы и кокосовые пальмы (описание необитаемого острова, по-видимому, заимствовано автором из «Восточной Индии» братьев де Бри, в которой рассказывалось об острове Св. Маврикия, где текли ручьи с пресной водой и водилось множество птиц, совершенно не боявшихся людей).

Поднявшись на скалистую гору, они обнаружили, что находятся на острове, который можно обойти за полтора часа пути. Оставалось только утешать себя тем, что их вынесло на плодоносную землю, «а не в какое-нибудь иное бесплодное или населенное людоедами место». Придя к выводу, что им придется отныне жить вместе на острове, товарищи поклялись друг другу в нерушимой верности. Спускаясь с горы, на которой было множество птичьих гнезд, они обнаружили, к своей радости, ручей с пресной водой и решили построить рядом с ним жилище.

Итак, Симплиций, подобно Робинзону Крузо, оказался на необитаемом острове, однако не один, а со спутником. Из имущества у них были топор, ложка, три ножа, вилка и ножницы; с помощью пороха удалось разжечь огонь. «И когда были бы у нас только соль, хлеб и посуда, куда мы наливали бы напитки, то мы почли бы себя наисчастливейшими людьми на свете, хотя всего за сутки могли считать себя среди самых несчастных», — пишет Симплиций (сравним с рассуждением Робинзон о том, что «горький опыт человека, изведавшего худшее несчастье на земле, показывает, что у нас всегда найдется какое-нибудь утешение, которое в балансе зол или благ можно записать в графу прихода»).

Долго скучать в одиночестве друзьям не пришлось, потому что вскоре они увидели в море странный предмет, плывущий прямо к ним, который оказался «полу-мертвой женщиной, лежавшей на ящике, который она обхватила обеими руками». Островитяне стали (не без удовольствия) приводить ее в чувство, и наконец она ожила и заговорила по-португальски. Товарищ Симплиция сразу же признал в ней эфиопку, служанку знатной португальской госпожи, которая плыла вместе с ними на корабле. Эфиопка, узнав старого знакомого, обрадовалась и тут же попросила взять ее в услужение. Пригодилась не только служанка, но и ее ящик; раскрыв его, они «нашли такие вещи, обзавестись коими для нашего домоводства мы по тогдашнему нашему положению не могли и помышлять».

Казалось, жизнь стала налаживаться. Но мнимая эфиопка, оказавшаяся мороком и бесовским наваждением, немедленно начала строить козни. Как пишет Симплиций, «пока я был в отсутствии, мой камрад, коему было около двадцати лет от роду, мне же перевалило за сорок, учинил уговор с нашею стряпухою, который должен был послужить к погибели нас обоих». Стряпуха, используя женские чары, уговорила плотника убить друга, чтобы он не мешал их счастливой жизни вдвоем, и в качестве бонуса показала ему залежи прекрасной глины, из которой она умела изготавливать красивую посуду. Ничего не подозревавший герой присоединился к тра-

пезе, которая могла стать последней в его жизни, но, на свое счастье, произнес застольную молитву и сотворил крестное знамение. Мнимая эфиопка и ящик со всем, что в нем было, тотчас же исчезли, оставив после себя зловоние. Товарищ, что попал во власть колдовских чар тотчас же раскаялся, упал перед Симплицием на колени и рассказал о своем сговоре с эфиопкою. Симплиций, увидев его искреннее раскаяние, как мог, утешал нестойкого в вере и падкого на соблазны товарища и уверял его в своей дружбе. «С того времени повели мы жизнь более богобоязненную, нежели до того; и дабы мы могли святить и праздновать день субботний, делал я взамен календаря каждый день зарубку на палочке, а по воскресеньям ставил крест, — повествует Симплиций. — Тогда сажались мы вместе и беседовали друг с другом о святых и божественных предметах; и я был принужден обходиться таким образом, ибо еще не измыслил, чем мог бы пользоваться вместо бумаги и чернил, чтобы записывать что-либо для памяти». Поняв, что им придется обустроиваться на острове «всерьез и надолго», товарищи приступили к реализации масштабной программы благоустройства острова. Плотник изготовил из твердого черного дерева мотыги и лопаты; они отвели от моря канавы, чтобы выпаривать соль, перегородили ручей запрудой и, как пишет рассказчик, «принялись насаждать приятный вертоград, ибо считали праздность началом нашей гибели». Невдалеке от ручья они нашли хорошую глину и, хотя не имели никаких инструментов, научились готовить из нее разную посуду, горшки и миски; со временем они научились обжигать ее. Хотя у них не было хлеба, они научились выпекать из яиц, сухих рыб и лимонной кожуры «вкусные лепешки на птичьем сале». Плотник, на свою беду, наловчился изготавливать пальмовое вино, которое употреблял практически каждый день, несмотря на увещания Симплиция.

Возникли проблемы с одеждою, которая поизносилась, а потом и вовсе истлела. Климат острова позволял ходить и вовсе без одежды, нагишом, но отшельники хотя и жили на острове одни, однако «не хотели ходить по нему нагишом, как неразумные твари, а желали одеваться, как подобает честным христианам в Европе». Робинзон также признавал, что в жарком климате его острова не было надобности одеваться, но стыдился ходить нагишом, хотя на необитаемом острове никто не мог его видеть. Крупных зверей на острове не водилось, поэтому друзья начали сдирать кожу с больших птиц, дронтов и пингвинов, чтобы сшить штаны. Эта одежда прослужила недолго, но плотник, бывавший в Индии, знал, как можно изготовить одежду из пальмовых листьев.

Симплиций пишет, что они устроили свои дела так, «что у нас не было больше причины сетовать на какие-либо тяготы, скудость, недостачу или огорчения». Однако его товарищ смотрел на вещи не столь оптимистически и каждый день утолял тоску пальмовым вином, пока не умер. Оставшись единственным «властелином острова», Симплициссимус стал вести умеренную и правильную жизнь отшельника и благодарил Господа за то, «что он предпочел меня тысячам других и отечески привел в сие спокойное и мирное место».

Помня о душе, Симплиций не пренебрегал телесными упражнениями, «ибо человек рожден, чтобы трудиться, как птица, чтобы летать, тогда как праздность повреждает душу и тело тлетворными болезнями». Чтобы не сидеть без дела, он разбил сад, хотя, по его собственному признанию, он был нужен ему меньше, чем телеге пятое колесо, ибо весь остров можно было назвать не иначе как благоухающим садом, и, кроме того, изобрел чернила собственного изготовления (Робинзон, несмотря на всю свою смекалку, так и не додумался до этого), смешав сок бразильского фернамбука с лимоном и с их помощью на больших пальмовых листьях «описал все, что вспало на ум, в сей книге, которую изготовил из сказанных листьев».

В последней части главы рассказчиком становится уже не сам автор, а некий голландский капитан Корнелиссен из Гаарлема, посетивший удивительный остров и рассказавший об увиденных там чудесах своему другу. Больше всего его удивила «книга, кою некий муж, обитающий на одиноком острове посреди моря, написал на верхненемецком языке, по причине недостатка бумаги, на пальмовых листьях и поведал в оной книге всю свою жизнь». Высадившиеся на берег матросы были в восторге от острова, утверждая, что он напоминает скорее «земной рай, нежели неведомое пустынное место», и рассказали, что встретили там некоего немца, отшельника. По их мнению, «малый был не в себе и, верно, уж сущий дурень, ибо не могли добиться от него ни единого толкового слова или ответа».

Капитан, увидев, что деревья на острове покрыты благочестивыми изречениями из Библии, решил отыскать островитянина и поговорить с ним. «Однако нигде не могли его сыскать, кроме глубокой пещеры в каменной расселине, наполненной водою, где, как они предполагали, он укрылся, ибо туда вела узкая тропинка. Проникнуть же туда они не могли по причине стоявшей там воды и непроглядной темноты». Казалось, вместе с отшельником начал капризничать весь остров; земля заколебалась, и стало казаться, что весь остров в одно мгновение погибнет от ужасного землетрясения. Тотчас же началась дискуссия в духе небезызвестной статьи «Грозная катастрофа и как с ней бороться». Часть моряков полагала, что отшельник благочестивый и святой муж, а наказание ниспослано им за то, что они перебили птиц и разорили его обитель, другая же партия была уверена, что он темный волшебник, с помощью чар вызвавший землетрясение, чтобы выпроводить пришельцев с острова или погубить. Была предпринята новая попытка найти его, в результате которой моряки попали в ловушку и не смогли выбраться из чрева пещеры. На их счастье, отшельник все-таки смягчил свой гнев и заговорил. Пастор от имени команды принес извинения хозяину острова и сообщил о готовности взять его с собой на корабль и привезти в Европу. Отшельник ответил, что уже пятнадцать лет живет на острове в совершенном одиночестве, всем доволен и менять свое счастливое и спокойное житие не намерен. Впрочем, он согласился помочь морякам при условии, что они не будут принуждать его плыть с ними и не расскажут никому о том, где расположен остров.

Капитан описал островитянина как рослого, сильного и хорошо сложенного мужа; «волосы его спадали до самых бедер, а борода простиралась ниже пупа». Из одежды на нем был передник из пальмовых листьев и широкая шляпа из папоротника. Почтенный муж рассказал «понаехавшим» морякам, что если внутри пещеры возникает большой шум, то от этого содрогается весь остров и происходит землетрясение; это-то едва не стало причиной катастрофы. Матросы, которые разорили его хижину, казалось, сошли с ума. Один из них, оружейник, ползал на четвереньках, хрюкал, как свинья, и беспрестанно повторял: «Солод! Солод!», считая, что превратился в свинью и его будут откармливать солодом. Безумцев по совету немца накормили зернышками слив, и вскоре все они были «приведены в полный разум» (параллели с «Одиссеей» Гомера, в одной из эпизодов которой волшебница Цирцея превратила спутников царя Итаки в свиней, очевидна).

Отшельнику вернули тридцать дукатов и книгу; деньги он отказался взять, сказав, что будь у него целая бочка монет, он не ведал бы, куда их употребить, книгу же подарил капитану (стоит вспомнить слова Робинзона, нашедшего золото на затонувшем корабле: «Ненужный хлам! — проговорил я. — Зачем ты мне теперь? Ты и того не стоишь, чтобы нагнуться и поднять тебя с полу. Всю эту кучу золота я готов отдать за любой из ножей»). Капитан приказал доставить с корабля лучшее вино, окорока и другие припасы, чтобы угостить немца, но тот остался равно-

душен к яствам и брал со стола только самые скверные кушанья, хотя и разделял общее веселье.

Когда капитан сказал, что ему бы лучше возвратиться к людям, чтобы не умереть тут в одиночестве, то отшельник произнес целую речь, в которой превозносил свою уединенную жизнь и обличал пороки «большого мира»: «Куда вы влечете меня? Здесь мир — там война; здесь неведомы мне гордыня, скупость, гнев, зависть, ревность, лицемерие, обман, всяческие заботы об одежде и пропитании, ниже о чести и репутации; здесь тихое уединение без досады, ссоры и свары, убежище от тщеславных помыслов, твердыня противу всяких необузданных желаний, защита от многообразных козней мира, нерушимый покой». Он сказал, что пока находился в мире среди людей, у него всегда было больше огорчений и врагов, нежели приятностей и друзей, да и друзья нередко доставляли ему больше неудобства, нежели можно было ожидать от дружбы. Но если тут и нет друзей, которые его любили бы и помогали ему, то нет и врагов, которые его ненавидели бы и вредили. Моряки уплыли, оставив в подарок Симплицинию зажигательное стекло и другую полезную утварь. Благочестивая жизнь на чудесном острове выглядела вполне логичным финалом необыкновенных приключений героя, но автор, как это нередко случается, не устоял перед соблазном продолжить историю, превратившуюся в настоящий приключенческий сериал.

Выпив пальмового вина, Симплициний прилег отдохнуть в тени деревьев, как вдруг его разбудили «шестеро мужчин прегнусного вида», которых он сначала принял за бесов. После крестного знамения они не только не исчезли, но, напротив, бесцеремонно привязали владыку острова к палке и понесли на берег моря, где стоял странный плот с парусом и рулями спереди и сзади. Там находились еще четверо мужчин, три женщины и двое детей, на которых не было никакой одежды, кроме набедренной повязки. Туда же принесли вещи и снедь, которую взяли в хижине Симплициния. Отшельник решил, что попал к людоедам, в чьих желудках ему предстоит погибнуть, когда кончится пища, и даже огорчился, что они забрали так мало провизии. Когда море успокоилось, дикари пустились в путь. Днем они шли по солнцу, а ночью по звездам, которым, судя по всему, поклонялись, а воду пили прямо из моря.

Почти сразу же за похищением пришло спасение. Появившийся откуда-то португальский корабль дал плоту сигнал спустить парус. Дикари не могли или не захотели его понять, и моряки, выстрелив из пушки, убили нескольких человек и снесли мачту. Языка дикарей никто не понимал, поэтому португальцы сочли их людоедами и обратили в рабство. Симплиция, борода которого достигала колен и волосы свисали до поясицы, освободили от пут, сочтя диковинным монстром; ко всеобщему удивлению, странное существо заговорило по-португальски. Вскоре корабль встал на стоянку на острове Св. Елены (как отметил Симплициний, «остров сей, хотя и почитается благодатным, однако не может сравниться с тем, на коем я до того жил»), а потом взял курс на Лиссабон. Владельцы корабля выдали ему премию, а знатные люди города, узнав про его историю, одарили подарками.

Использовал ли Дефо историю Симплициния? Математик и поэт Абрагам Кестнер, живший в XVIII веке, обратил внимание на то, что еще задолго до Дефо жизнь человека на необитаемом острове описал один немецкий писатель, который, впрочем, приукрасил свой рассказ «диковинными вещами». Мы уже обратили внимание на сходство, пусть и не буквальное, некоторых эпизодов произведений. Робинзон воздвиг столб, на котором делал зарубки, чтобы не потерять счет времени и отличать будни от воскресений; Симплициний, чтобы «праздновать день субботний», делал взамен календаря каждый день зарубки на палочке. Крузо, пока у него не кончились чернила, вел дневник. Герой Гриммельсгаузена в данной ситуации проявил боль-

шую смекалку, изобретя собственные чернила, а вместо бумаги используя листья пальм.

Есть в книге и пещера, в которой отшельник скрывается от незваных гостей (впрочем, это не пакауз Робинзона, а скорее сказочная пещера Голума, «вместилище всяческих чудес», с множеством ходов, водоемами и чудесными светляками). В романе Дефо, как мы помним, Робинзон едва не стал жертвой землетрясения, которое обрушило стены его пещеры. В обители Симплициния катастрофа скорее иллюзорная, чем реальная. «Когда внутри пещеры произвели большой грохот, то от этого содрогается весь остров и происходит землетрясение, а те, что находятся на поверхности, думают, будто им суждено погибнуть», — говорит отшельник. Поведение товарища отшельника — плотника, который предал его, но потом раскаялся, напоминает эксцентричные поступки Пятницы, встретившего отца, взятого в плен враждебным племенем: «Охватил он мои ноги, целовал колени и взирал на меня с такой тоскою и волнением, что я оттого сам онемел и никак не мог догадаться или узнать, что же все-таки стряслось с бедным малым».

Симплициний сравнивает свой остров с «благоухающим садом»; похожие выражения использовал и Крузо. Голландский капитан высказал мнение, что это был «наиздоровейший по климату остров, ибо все наши болящие в течение пяти дней снова обрели силы, а немец за все время, что он там пробыл, не ведал никаких болезней». Крузо, как мы помним, за долгие годы жизни на острове серьезно болел всего один раз. Отшельник, как и Робинзон, постоянно находил себе занятия. Он выращивал съедобные растения, охотился, ловил рыбу, научился изготавливать глиняную посуду, заготавливал припасы и обследовал остров, на котором жил. Не забывал он и о религиозных обязанностях и даже покрывал стволы деревьев изречениями из Библии. Стремление Симплициния планировать «на всякий день телесное упражнение, которое он совершал вместе с обычною молитвою», тоже вполне согласуется с жизненной стратегией Робинзона.

Робинзон хотя и был счастлив на острове, но с радостью покинул его, когда представилась такая возможность; в отличие от него Симплициний не хотел оставлять свое маленькое королевство и даже потребовал от гостей, чтобы они сохранили местонахождение острова в тайне. Симплициния похищают дикари, которых он принял за людоедов, скорее всего, потому, что «у страха глаза велики», а спасает его, как и Крузо, португальский корабль.

Во времена Дефо английского перевода романа Гриммельстаузера не существовало, а голландским писателем как будто не владел (что, впрочем, не исключает того, что он был знаком с книгой). Совпадение отдельных линий и эпизодов повествования, конечно, могло быть и чистой случайностью.

Стоит упомянуть и о тех страницах романа Гриммельстаузера, в которых рассказывается о приключениях Симплиция в Московии. В Германии шла Тридцатилетняя война; некий шведский полковник, узнав про военные познания Симплициния, предложил ему поступить на службу в его полк, который пока только формируется, «и когда он его получит, в чем он совершенно не сомневается, то тотчас же назначит меня своим подполковником». Подумав, Симплициний решил принять предложение. Полковник оказался шведским клоном барона Мюнхгаузена: «ибо ему не только никто не поручал набирать новый полк, но и сам он оказался пребедным дворянчиком». Бравый вояка ничуть не смутился, когда его разоблачили, и придумал новую приманку — «грамоту, которую он получил из Москвы, в коей, как он уверял, предлагали ему сан большого воеводы». Симплициний, простая душа, в очередной раз попался на удочку и «пустился с ним в путь с веселым упованием на будущее». Два командира без войска бодро отправились туда, где, по их представлени-

ям, находилось войско, испытывающее нужду в умелых военачальниках. Прибыв в «стольный город Москву», полковник занялся делами не столько военными, сколько гражданскими и даже духовными и «каждодневно имел конференции с тамошними магнатами, и притом более с митрополитами, нежели с князьями... Наконец объявил он мне, что война тут ни при чем, а что совесть понуждает его принять греческую веру». Он посоветовал Симплицинию последовать его примеру, и тогда он будет осыпан царскими милостями. Тот ответил, что готов служить его царскому величеству как солдат, но переменить религию не может, чем вызвал неудовольствие полковника, который считал, что человек должен сам ковать свое счастье, — а если не делает этого и при этом «хочет жить, как принц», то это его личные проблемы, в решении которых он не в силах ничем помочь. Ренегат-полковник принял православие и получил в подарок даже не шубу с царского плеча, а целое поместье. Честный Симплиций едва не угодил в Сибирь, но, на его счастье, бояре, очевидно уже знакомые с поговоркой: «Что русскому хорошо, то немцу смерть», сменили гнев на милость и приспособили гостя к делу, каковым явилось изготовление пороха и поиск селитры. Герой успешно справился с задачей, а вскоре ему представился случай показать не только свои познания, но и воинскую доблесть. К Москве приближалось татарское войско, и Симплициния отправили на поле битвы, выдав прекрасного коня и дорогие доспехи. Он проявил себя сущим Роландом и в лихой кавалерийской атаке обратил врагов в бегство. Храбрый командир рассчитывал на богатое вознаграждение, но после боя с него тотчас же сняли доспехи и дорогие одежды, чтобы вернуть их в казну: «А посему узнал я, как у русских обстояло дело со всею пышностью в одеждах...ибо они были заемными товарами, кои, как и все другие вещи во всем русском государстве, принадлежат одному только царю».

Когда он оправился от полученных в сражении ран, «то был отправлен на корабле вниз по Волге в Астрахань, дабы учредить там пороховой завод», и надеялся, что после этого его уж точно вознаградят и отпустят на родину. Но случилось иначе: его в очередной раз взяла в плен шайка кочевников, которые увели его вместе с другими невольниками в глубь страны, а потом обменяла на китайские товары «нючженьским татарам», которые презентовали его как диковинку королю Кореи. Там он обучал короля военной науке, и тот в благодарность даровал ему свободу и через Японию отправил в Макао к португальцам; Симплиций снова был захвачен в плен морскими разбойниками, но после множества приключений все-таки добрался до Европы.

Московитская история Симплиция имеет мало общего с российским путешествием Робинзона, которым завершаются его «Дальнейшие приключения», за исключением разве что повторения ходячих представлений о Московии, бытовавших тогда в Европе.

В числе штампов, использованных Гриммельсгаузенем и нашедших позднее отражение в романе Дефо (вообще-то интересовавшегося Россией и даже написавшего «Историю жизни и деятельности Петра Алексеевича, царя Московии», вышедшую в 1723 году в Лондоне), можно назвать безграничную самодержавную власть царя, коварство и интриги двора, «буйство духов» варваров — татар и прочих кочевых орд за пределами крепостей и укрепленных городов Московии (Робинзон несколько раз подвергается нападению кочевников, Симплиций попадает к ним в плен), давление на иностранцев, которых принуждают перейти в греческую веру, и Сибирь, угроза быть сосланным в которую, подобно дамоклову мечу, висит над подданными царя и чужеземцами, оказавшимися волею судеб в Московии (один из иноземцев, побывавших в России уже в XVIII веке, писал, что на русском языке слово «Сибирь» означает «тюрьма»).

Книга Гриммельсгаузена свидетельствует о том, что сюжет об отшельничестве на необитаемом острове, использованный Дефо, был далеко не столь оригинален, как это могло показаться восторженным почитателям творчества писателя. Сам Симплициний имеет некоторые общие черты с Робинзоном, но как персонаж плутовского романа своей многоликостью напоминает скорее Одиссея, хотя и лишен изрядной доли хитрости и цинизма, присущих «исполненному козней» герою Гомера. Справедливости ради следует признать, что робинзоны героя Гриммельсгаузена — лишь один из эпизодов романа, который является, по сути, настоящей энциклопедией «плутовских» сюжетов той далекой эпохи.

Кроме «Симплициссимуса», Гриммельсгаузен написал еще несколько книг, в их числе — «Подробное и удивительное жизнеописание отъявленной обманщицы и бродяги Кураж» (1670). Не удивляйтесь, если это имя покажется вам знакомым: именно этот образ воскресит в своей пьесе «Мамаша Кураж и ее дети» известный немецкий драматург Бертольд Брехт.

Остров Пайна: воспоминания о будущем

В этой книге так много уровней, что поколения ученых не смогли прийти к выводу о том, чем она является: утопией, мистификацией, описанием полигамии, политическим трактатом, сатирой на реставрацию или всем вместе.

Очарование острова Пайна (1668). — Gaby Mahlberg. The History Woman's Blog. 2011, ноябрь

Еще одной забытой «робинзоной» является книга «Остров Пайна» (The Isle Of Pines) Г. Невилла, вышедшая в 1668 году. Генри Невилл (1620–1694) учился в одном из оксфордских колледжей, хотя так и не окончил его; в гражданской войне он не участвовал и путешествовал по Европе, изучая языки и нравы. Вернувшись на родину, он избирался в парламент и занимался политикой, хотя и не слишком успешно, а в период реставрации был арестован по обвинению в заговоре, но вскоре отпущен. Остаток жизни аристократ посвятил литературной и научной деятельности, делая переводы с итальянского и латинского (среди прочего, переводил на английский труды Макиавелли).

«Остров Пайна», как и впоследствии «Робинзон Крузо», был издан под видом отчета о реальном путешествии, и читатели далеко не сразу поняли, что имеют дело с очередной мистификацией.

Из анонса книги, претендовавшей на абсолютную достоверность, читатели могли узнать, что в ней содержится «правдивое повествование» об англичанах, которые во времена королевы Елизаветы совершали путешествие в Ост-Индию, потерпели кораблекрушение и были выброшены на остров неподалеку от побережья Австралии; все, кроме одного мужчины и четырех женщин, одна из которых была негритянкой, утонули. В 1667 году голландский корабль, занесенный сюда штормом, случайно обнаружил их потомков, говорящих на хорошем английском языке, в количестве десяти или двенадцати тысяч человек. Утверждалось, что все повествование написано самим Пайном незадолго до смерти и передано голландским морякам его внуком¹¹.

Голландцы, посетившие остров, обнаружили, что люди, живущие там, ходили практически наги, при этом говорили по-английски. Больших судов они нико-

¹¹ The Isle of Pines. By Henry Neville. Boston. The Club of Odd Volumes. 1920.

гда не видели и дивились на корабль, как если бы это было величайшее чудо природы. Гостей островитяне встретили приветливо и, накормив их, пригласили во дворец своего правителя. Размером королевская резиденция была с английский деревенский дом и построена очень примитивно, хотя и не без живописности. Правителем острова был некто Уильям Пайн, внук патриарха Джорджа Пайна; его женой была женщина необыкновенной красоты, одетая, как и все островитяне, очень скудно, но с непреходящим венком из цветов на голове.

Моряки подарили королю несколько ножей и топор; как оказалось, на острове уже был один топор, доставшийся от предков, тупой и ржавый. Правитель показал им рукопись, собственноручно написанную его дедом, которую тот просил показать первым приплывшим на остров чужестранцам. Как оказалось, их предок, Джордж Пайн, был счетоводом и плыл вместе со своим хозяином по торговым делам в Индию. Вместе с ним были дочь 14 лет, две служанки и рабыня-негритянка. Корабль потерпел крушение, спастись удалось только самому Пайну и четырем женщинам. Начало истории напоминает первые дни Крузо на острове. Потерпевшие кораблекрушение оказались в небольшой бухте, в которую впадала речка; Пайн видел многочисленных птиц, но не нашел ни малейших следов человеческого присутствия.

Часть корабельного груза вынесло на берег, однако из пищи, кроме коробки с бисквитами, спасти ничего не удалось. Пайн разжег огонь, и, сотворив молитву, потерпевшие крушение приступили к строительству хижины с помощью топора (ставшего впоследствии исторической реликвией) и других подручных средств. Остров, на который они попали, был весьма обширен, хотя и совершенно необитаем. На нем водилось множество птиц и росли разнообразные фрукты, а климат не оставлял желать лучшего. Были на острове козы, точнее, похожие на них животные, которые не боялись людей. Робинзон подробно рассказывал о птицах, живших на острове; Пайн обнаружил птицу величиной с лебедя, настолько «тяжелую и жирную, что из-за своего веса она не могла летать», мясо которой оказалось очень вкусным, а также редкий вид дикой утки. Петухи и куры, которых везли на корабле, уцелели и, выбравшись на сушу, начали усиленно размножаться. Недостатка в пище и свежей воде не было, и робинзоны проводили жизнь в покое и неге. Цивилизованный мир был где-то очень далеко, и шансы возвращения туда казались ничтожными, что способствовало раскрепощению нравов. Пайнс вступил в связь со служанками, а потом с дочерью хозяина и чернокожей рабыней. Атмосфера тропического острова действовала умиротворяюще, и чувства ревности и соперничества между женщинами не возникало. Через непродолжительное время все они попали в интересное положение и начали рожать детей.

Все были довольны, в особенности Пайн, ставший властелином гарема, а его семейство постоянно увеличивалось. Глава семейства имел 47 детей, взрослые дочери, когда подросли, начали рожать внуков. Чтобы избежать кровосмешения, Пайн следил, чтобы дети каждой из его жен находили себе пару среди отпрысков других женщин. Естественным путем на острове образовалось четыре племени, состоявшие из потомства каждой из жен. Глава семейства не забывал и о духовном воспитании своих чад: учил их английскому языку, и ежемесячно, на общем собрании племени, проводилось чтение отрывков из Священного Писания.

Население росло и постепенно освоило всю территорию благодатного острова. Между тем над его безоблачным небом постепенно начали собираться грозные тучи. Уже в правление старшего сына Пайна стали возникать конфликты, неизбежные в любом, даже самом идиллическом сообществе. Религиозные проповеди отца-основателя были забыты, и сильные стали притеснять слабых. За неимением других занятий, сексуальная распущенность, инцест и прелюбодеяние превратились едва ли не

в правило; девушек, которые противились чужой похоти, подвергали насилию. Правитель, чтобы навести порядок, велел своим приближенным вооружиться сучьями и камнями и отправился в поход. Отступники бежали в глубь острова и скрылись в лесах. Их преследовали; главный распутник Джон Филл, потомок чернокожей рабыни, был схвачен и приговорен к смерти. Его сбросили с высокой скалы в море, остальные же были милостиво прощены и вернулись в лоно общества.

Чтобы избежать конфликтов и сохранить мир, правитель с помощью советников придумал свод законов, за нарушение которых полагалась тяжелая кара. Неуважение к религии наказывалось смертью, мужчины, совершившие прелюбодеяние, подвергались кастрации, женщинам же вырывали правый глаз. Для контроля за соблюдением законов в каждом племени из числа наиболее уважаемых людей выбирался старейшина.

Голландцы дали попробовать правителю (которого они называли «губернатором» — именно так величал Крузо капитан прибывшего на остров британского судна) бренди. Напиток не понравился ему, и он заявил, что предпочитает простую отечественную воду иностранным хмельным напиткам. Выслушав все эти любопытные сведения, ознакомившись с обрядами и обычаями местных жителей и совершив экскурсию в глубь острова, голландцы уже собрались было уезжать, но тут произошел очередной прискорбный инцидент. Генри Филл, правитель племени Филлов, изнасиловал жену одного из вождей другого племени и, понимая, что его ждет суровое наказание, поднял мятеж. Началась смута, которая грозила привести страну в состояние неуправляемого хаоса. Губернатор стал просить помощи у иностранцев, каковая и была, в качестве платы за проявленное гостеприимство, оказана. Мятежники, как и полагалось дикарям, были вооружены палками и камнями, голландцы — огнестрельным оружием. Пушечный залп на фоне девственной природы произвел предсказуемый эффект; мятеж был подавлен, а распутный Генри Филл, подобно своему предку, сброшен со скалы в море под бурные аплодисменты присутствующих.

Стоит отметить, что вымышленная история острова Пайна предвосхищает реальную историю, случившуюся через сто лет на острове Питкертон, где нашли убежище британские моряки, поднявшие мятеж на «Баунти». Понять же, в чем ее сходство с повествованием Дефо, намного сложнее.

Тем не менее «Остров Пайна» традиционно считается одним из возможных источников «Робинзона Крузо». «Справедливо говорят, что элементы шедевра существуют задолго до своего воплощения в реальность, что они носятся в воздухе, как бы ожидая подлинного мастера, который сумеет воплотить их в нужную форму, — пишет Уорthingтон Форд. — Жизнь на острове, полностью отделенном от остальной части человечества, является одним из элементов сюжета многих историй, но Невилл, по-видимому, был первым английским автором, кто сделал жизнь на острове основой своей истории»¹². Форд признает, что в первом томе «Робинзона» практически нет женских персонажей, которые играют ключевую роль в истории острова Пайна, но обращает внимание на то, что в «Дальнейших приключениях» они появляются и в жизни самого Крузо, и на его острове (впрочем, конфликта из-за женщин, несмотря на их дефицит, между поселенцами на острове Крузо не происходит).

Некоторое сходство с повествованием Дефо можно найти в описании самого острова и в рассказе о первых днях жизни на нем потерпевших крушение людей. Невилл использует фразу «Необходимость — лучший учитель», когда рассказывает о строительстве отшельниками хижины, Дефо в своем романе утверждает, что «ну-

¹² An Essay in Bibliography by Worthington Chauncey Ford. — The Isle of Pines By Henry Neville. Boston. The Club of Odd Volumes. 1920. Copyright, 1920, By the Club of Odd Volumes.

жда всему научит»; несмотря на смысловую близость фраз, в английском оригинале они звучат по-разному, и совпадение, скорее всего, является простой случайностью.

Главное различие в сюжетах заключается даже не в том, что Робинзон оказался на благодатном острове один, а Пайн — с четырьмя Пятницами женского пола. Невилла в первую очередь интересовало, что происходит с цивилизованными людьми, которые по воле судьбы снова возвращаются в естественное состояние, при этом условия жизни достаточно благоприятны и не требуют каждодневной борьбы за выживание. Жизнь Джорджа Пайна на острове поначалу выглядит идиллией, своего рода возвращением в утерянный Эдем, где спутниками Адама становятся четыре Евы. Автор сознательно идеализирует жизнь островитян: природа здесь щедра и благодатна, никто не болеет и не устраивает семейных сцен, враждебные племена обходят остров стороной, а штормы бушуют где-то в отдалении. Но дальнейший ход событий показывает более мрачную картину. Из-за высокой рождаемости население острова постоянно увеличивается, а его обитатели делятся на племена, между которыми вспыхивают частые конфликты. В райских условиях тропиков все довольствуются удовлетворением основных инстинктов, и никто не хочет трудиться или развивать навыки в каком-либо ремесле. Достижения цивилизации утрачены, и едва ли не единственным ее материальным свидетельством является тупой и заржавленный топор. Целостность общества поддерживается только авторитетом правителя и эпизодическим чтением религиозных проповедей, призванных оградить жителей счастливого острова от крайностей сексуальных излишеств, которым они, за неимением других занятий, с энтузиазмом предаются. Вывод Невилла очевиден: цивилизованные люди, попав в условия дикости, сами становятся дикарями, неотличимыми от тех детей природы, которых видели на островах южных морей европейские мореплаватели, хотя и сохраняют в памяти воспоминания о своем прошлом. Произшедшая более сотни лет спустя история, начавшаяся с мятежа на британском военном судне «Баунти», казалось бы, подтвердила правоту автора «Острова Пайна». Впрочем, события в ней развивались по иному сценарию, начавшись с мятежа и взаимного истребления друг друга моряками, нашедшими, вместе со своими туземными подругами убежище на удаленном острове Питкерн, и закончившись своего рода идиллией: почтенный патриарх Адамс, глава клана, в окружении любящего семейства (сюжет, который произвел неизгладимое впечатление на актера Марлона Брандо, исполнителя роли вожака мятежников лейтенанта Кристиана Флетчера в голливудском фильме «Мятеж на Баунти»).

Основная идея «Робинзона» заключалась в том, чтобы доказать прямо противоположное: представитель европейской культуры, если он обладает силой воли и тем, что в наше время принято называть «позитивным мышлением», и в условиях необитаемого острова может избежать погружения в первобытное состояние и дикость, в какой бы форме она ни проявлялась, и способен построить цивилизацию, что называется, «с чистого листа» — в том случае, если несет ее в себе. Может быть, «Робинзон» был своего рода ответом на утопию (или, скорее, антиутопию) Невилла?

«Остров Пайна», как справедливо замечает один из комментаторов, — произведение очень непростое. До сих пор популярна версия о том, что он был антимоноархическим памфлетом, направленным против снова воцарившейся после реставрации на английском престоле династии Стюартов, а прообразом любвеобильного Джорджа Пайна был сам «веселый король» Карл II, распутник, имевший множество любовниц и внебрачных детей¹³. Заметим, что и роман Дефо многие тоже считали своего рода политической аллегорией, обращая внимание на то, что срок жизни

¹³ The Naughty Pines: Henry Neville's The Isle of Pines as Literary Hoax. Nat W. Hardy, McMaster University. 1993.

Крузо на острове (около 28 лет) прямо коррелирует с периодом реставрации монархии Стюартов в Англии, а страдания Крузо на «острове отчаяния» (как он иногда называл свой приют) были не чем иным, как иносказательным отображением репрессий, которым подвергались в ту эпоху противники монархии, в первую очередь религиозные диссиденты¹⁴.

Эль-Хо, голландский прото-Робинзон

Я охал и вздыхал, говоря: «Увы! Бедный я парень! О! Что мне делать? Куда мне идти? О, Боже! Помогите мне!»

Хендрик Смикс. Могущественное королевство Кринке Кесмес

Я был разбужен чьим-то голосом, звавшим меня по имени несколько раз: «Робин, Робин, Робин Крузо! Бедный Робин Крузо! Где ты, Робин Крузо? Где ты? Где ты был?»

Даниэль Дефо. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка

Один из возможных источников «Робинзона» — рассказ о приключениях голландского юнга Эль-Хо из книги «Могущественное королевство Кринке Кесмес» голландца Хендрика Смикса, изданной в 1708 году, более чем за десять лет до выхода «Робинзона»¹⁵. Об авторе известно, что он был хирургом, жил в голландском городе Зволле и умер в 1721 году. В молодости он, судя по всему, плавал в качестве врача на судах дальнего плавания. Имя фантастического королевства (Kesmes) появилось не случайно: считается, что оно является анаграммой имени Смикса. Существует гипотеза о том, что Смикс написал еще одну книгу — знаменитых «Пиратов Америки», авторство которой обычно приписывается некоему А.-О. Эксквемелину. Александр Оливье Эксквемелин, корабельный хирург и участник буканьерских походов, был личностью загадочной, и ученые до сих пор спорят о том, использовал ли автор псевдоним, чтобы скрыть участие в пиратских рейдах Моргана, или все-таки подписался настоящим именем. Голландский исследователь Хоогверф предположил, что разгадка кроется в анаграмме: при перестановке слогов и замене двух букв имя Энрике Смикс (Enrique Smeeks) без особых усилий превращается в Эксквемелин (Eksquemelin), и, стало быть, настоящий Эксквемелин — это не кто иной, как Смикс¹⁶. Использование техники анаграммы было модно в ту эпоху, однако дотошные историки не поленились изучить архивы и выяснили-таки, что имя «Эксквемелин» (равно как и Смикс) числится в книгах голландской гильдии хирургов, а стало быть, такой человек действительно существовал.

Еще подростком, в возрасте 12 лет, будущий гражданин могущественного государства Кринке Кесмес записался в качестве юнга на один из кораблей Голландской ост-индской компании, который отплывал в южную землю для спасения пропавшего судна «Goude Drauk». Прибыв в указанный район, моряки нашли пла-

¹⁴ Robinson Crusoe. Edited with an Introduction by Thomas Keymer. Published in the United States by Oxford University Press Inc., New York. Introduction. Thomas Keymer 2007. P. XXXI.

¹⁵ The Mighty Kingdom of Krinke Kesmes (1708).

¹⁶ Hoogewerff G. J. Hendrik Smeeks, geschiedschrijver der boekaniers. — Tijdschrift voor Geschiedenis. 1930, N 45, S. 225–236.

вавшие в море обломки и начали стрелять из пушек, однако на сигнал так никто и не откликнулся. Поисковая команда обнаружила, что берег, на выжженной земле которого рос колючий кустарник, был пуст. На следующий день поиски возобновились, но не было найдено ничего, кроме следов голых ног на песке. Моряки не теряли надежды, и на сушу снова был послан шлюп с командой из 12 человек, в числе которых оказался и юнга. Как пишет Эль-Хо, он сошел на берег, чтобы отдохнуть, и не особо усердствовал в поисках пропавших моряков.

Через три часа ходьбы отряд достиг окраины леса. Юнга, в поисках воды и фруктов, незаметно отстал от товарищей, а когда решил вернуться, обнаружил, что заблудился. Наступил вечер, и Эль-Хо заснул, а когда проснулся, то темнота, шум деревьев и завывание ветра привели его в ужас. Утро принесло некоторое облегчение, но что делать и куда идти, он не знал. Возвышенности, с которой можно было увидеть окрестности, поблизости не было, и юнга просто пошел вперед, пока не наткнулся на болотистый пруд. Выпив воды, он начал вздыхать и плакать, повторяя: «Увы! Бедный я парень! Что мне делать? Куда мне идти?»

Упав на колени, он прочел вечернюю молитву, после чего сразу же заснул. Утром он изучил место, в которое попал, и обнаружил, что там растут дикie яблони. С помощью ножа юноша изготовил деревянный топорик и лопату, а из ветки дерева соорудил некое подобие копыя, после чего приступил к строительству хижины из сучьев. Закончив работу, юнга предался размышлениям, имеющим вполне «робинзонский» характер: «Что есть наша жизнь! Люди странствуют от страны к стране в поисках товаров и денег! У меня нет сейчас ничего, кроме воды и яблок, однако я вполне доволен, если я смогу иметь их и дальше. Даже если бы я мог обменять их на золото, я бы не стал делать этого». Утром он снова занялся изучением местности и вскоре обнаружил небольшую речушку, вокруг которой произрастала фруктовая роща. Двигаясь вдоль нее, юноша вышел из леса к горе, у подножия которой находился большой водоем с солоноватой водой.

Поднявшись на гору, он наконец увидел море и тотчас же направился туда в надежде найти корабль. На прибрежных дюнах он увидел вертикально торчащий столбик, к которому была прибита жестяная табличка и написаны слова: «Юнга, копай за столбом». Эль-Хо так и поступил и вскоре обнаружил свой корабельный сундук. Там же лежало письмо от товарищей, в котором говорилось, что морякам не удалось обнаружить ни экипаж «Гауде Драак», ни его самого, поэтому было решено готовиться к отплытию. На случай, если юнге удастся вернуться и найти это место, они закопали сундук и вещи, которые могли ему пригодиться. В сундуке оказалась масса полезных предметов: белье, обувь, бриджи, табак и трубка, посуда, нитки с иглой, бумага, перо и чернила, а также книга псалмов. Рядом был установлен еще один столбик, под которым он нашел лопату, гамак, кусок брезента, зажигательное стекло, топор, оружие, рыболовные принадлежности, вино и сухари.

Часть вещей юнга взял с собой, большую же часть оставил в тайнике, который устроил неподалеку. Он чувствовал себя богатым человеком и на радостях записал на бумаге все, что с ним произошло, прочел молитву и спел псалмы. У подножия высокого холма неподалеку от реки Эль-Хо решил построить новую хижину, в которую перенес часть вещей и повесил гамак. Обследуя берега водоема, он нашел залежи красной глины. Вспомнив, как делал в детстве птичьи клетки из ивы, он решил сплести из веток корзины, а потом облицевать их глиной, превратив в подобие контейнеров; для переноски корзин он смастерил некое подобие коромысла («В детстве я очень любил ходить к одному корзинщику, жившему по соседству от нас, и смотреть, как он работает. Теперь это очень мне пригодилось», — пишет Робинзон).

Изготовив корзины, он принялся за стенки хижины и вскоре, укрепив глиной стены, превратил ее в настоящий замок; в стенах он проделал специальные смотровые отверстия. Чтобы поднять стены замка выше, он соорудил лестницу (Крузо тоже попадал в свой «замок» с помощью лестницы). Рядом с первой, круглой хижинной он построил еще одну, квадратную, с отверстием сверху и смотровыми щелями-бойницами снизу и таким образом «стал господином двух замков». В свободное время отшельник вел дневник, записывая туда все, что делал, и, часто перечитывая его, запомнил практически наизусть.

Неподалеку находился красивый холм, окруженный деревьями, который выглядел так, как будто был сделан человеческими руками. Юнга построил там еще одну крепость, которую превратил в свою главную резиденцию. «Мое существование было теперь вполне безопасным. Я не считал дней, недель, месяцев и даже лет и я не знаю, как долго я пробыл там», — пишет Эль-Хо. Отшельник был постоянно занят: он добывал соль в специальных ямах возле пруда, делал запасы сушеной рыбы, изготавливал сундуки, корзины и плетеную мебель, рубил древесину, запас которой всегда имел в хижине; из остатков тряпья он сшил себе новую одежду («Я жил счастливо и спокойно в моем одиночестве»). Питался Эль-Хо рыбой из пруда и мясом диких быков, водившихся в округе. Строительство, похоже, превратилось в своеобразное хобби героя. Он построил хижину, своего рода «домик рыбака», на берегу пруда, хижину на холме и не мог остановиться, пока не соорудил целый комплекс из тринадцати хижин.

Шли месяцы и годы. На море разразился суровый шторм, который продолжался два дня и две ночи. Когда буря стала стихать, Эль-Хо вышел на берег и обнаружил, что ветер вынес на берег множество предметов, бывших, по-видимому, грузом с потерпевшего крушение судна. Открыв несколько сундуков, юноша обнаружил, что их содержимое практически не вымокло. Вскоре из воды появился и корпус судна, который приливом вынесло к самому берегу (корабль Робинзона, затонувший в прибрежных водах, тоже через какое-то время вынесло на сушу). Надеясь, что кто-то из моряков выжил, он начал бегать вокруг и кричать, но, забравшись на судно, он нашел там никого, кроме большого английского дога, который, увидев человека, радостно замахал хвостом и залаял. На корабле осталось много груза, и практичный Эль-Хо решил использовать для перевозок собаку, которую в ознаменование знакомства накормил сытным обедом. Пес, получивший имя Драагер, был большой и сильной собакой, и юноша сначала изготовил для него упряжь, на которую крепились корзина для груза, а потом и целую тележку. На корабле хранился большой запас спиртного, и отшельник мог позволить себе покапризничать, отбирая сорта горячительных напитков, как заправский сомелье.

Робинзон, как известно, устроил себе огромный склад из имущества, которое вынес с разбившегося корабля («Но мне все было мало», — записал он в своем дневнике). Эль-Хо поступал схожим образом, вынося все, что могло пригодиться (а пригодиться в условиях необитаемой земли могло практически все), отметив, что «не собирался останавливаться на достигнутом». Он, как и Робинзон, в своих записках буквально смакует перечень вещей (оружие, порох и пули, ящики с бутылками, запасы хлеба, сыры, горшки с маслом, бочонки с бренди, белье, посуда), которые находил в чреве корабля и переправлял к себе жилище. Продуктов было столько, что юнга выделил отдельные хижины под склады: «винную», «хлебную», «сырную» и хижину для хранения масла. Кроме того, он завел пороховую, соляную и дровяную хижины и даже хижину для хранения сухих камышей. «Теперь я жил как король в компании моей собаки», — добавляет Эль-Хо.

Шлюпку, найденную на берегу, он привел в пруд и плавал на ней, занимаясь ловлей рыбы; один раз на крючок попался настолько жуткий монстр, помесь ската и барракуды, что напуганный юноша тотчас же отпустил его. Еще одной уникальной добычей отшельника стали черные лебеди (птица, которая в естественных условиях водится только в Австралии и Тасмании). Гринписа пока не существовало даже в проекте, и, ничтоже сумняшеся, герой настрелял редких птиц ради жира и перьев, которыми набил постель.

Все шло прекрасно, но в один прекрасный день мир героя был нарушен. Осматривая окрестности в подзорную трубу, он внезапно увидел каких-то людей. Отшельник не знал, кто они такие и чего от них можно ждать; на всякий случай он зарядил ружья и закрыл окна крепости. Несомненно, это были туземцы: мужчины, женщины и дети, численностью около сотни. Увидев хижины, они начали делать непонятные жесты и кричать, а потом, взяв дрова из дровяного склада и запасы рыбы, зажгли огонь и расселись возле него несколькими группами. Обнаружив вражескую крепость, аборигены с громкими криками двинулись по направлению к ней. Юноша решил действовать, используя одновременно силу и дипломатию: выстрелив в воздух, он затем вышел из крепости с кортиком и заряженным ружьем наперевес.

Напуганные туземцы лежали на земле; он знаками показал им, что они могут подняться и встать, и раздал бисквиты, которые принес в корзине. Туземцы почувствовали себя непринужденнее и начали исполнять какой-то странный танец. Они были совершенно нагие, в чем мать родила; у одной части волосы были черные как смоль, у других рыжие; женщины имели толстые животы и длинные свисающие груди. Исполнив обряд, туземцы исчезли в лесу, и Эль-Хо мог вздохнуть с облегчением. Пищи и оружия у хозяина замка было столько, что он мог защищаться в одиночку против целой армии. Для усиления обороны юноша соорудил изгородь и теперь, прежде чем выходить на прогулку, осматривал окрестности с помощью подзорной трубы. Робинзон после того, как обнаружил на берегу следы ног, оставленные дикарями, тоже укрепил свой «замок» и соорудил там бойницы для стрельбы из мушкетов («Вид у меня был теперь самый устрашающий; ружье, топор, пара пистолетов и огромный тесак без ножен», — пишет Крузо).

Опасения оказались не напрасными, и как-то ночью юноша услышал страшный шум. Утром возле реки появился большой отряд аборигенов численностью до тысячи человек, с копьями и дубинками; некоторые из них выкрасили краской все лицо, другие нанесли на него круги и полосы. Они разломали в щепки и сожгли все его хижины, и стало понятно, что начинается война. Несмотря на неравенство сил, отшельник не потерял хладнокровие и, зарядив аркебузы и ружья, приготовился к схватке.

Отряд туземцев, бросившись к укреплению, начал крушить его копьями и дубинками. Предупредительный выстрел в воздух не возымел эффекта, и тогда Эль-Хо произвел несколько прицельных выстрелов в толпу. Раздался страшный крик, и туземцы бежали, унося с собой мертвых и раненых. Вскоре они вернулись с шестами и дубинками и, взломав ворота изгороди, очутились у самой двери. Выскочив из крепости, юноша начал стрелять из аркебузы, а когда нападавшие снова разбежались, кортиком добил тех, кто был ранен и лежал на земле. Чтобы напугать туземцев, которые снова готовились к атаке, он отрезал голову одному из убитых и бросил ее в сторону врагов. Это не возымело действия, и Эль-Хо, немного поколебавшись, бросил следом несколько ручных гранат.

Всю ночь туземцы жгли костры и кричали, совершая странные ритуалы. Днем к хозяину замка явилась делегация в составе двенадцати воинов в боевой раскраске и с копьями в руке. При виде отшельника они пали ниц; один из них схватил кусок дерна, положил его на голову и склонился перед Эль-Хо (нечто подобное, как

мы помним, проделал и Пятница после того, как Робинзон спас его). Юноша принес сухари и вино и жестами показал туземцу, что он может прийти и забрать трупы. Ночью туземцы опять повторили прежний ритуал: жгли костры и протяжно кричали.

Праздновать победу было еще рано. Весь день Эль-Хо бодрствовал, ночью же вахту принимал пес. Он-то и поднял тревогу. Выглянув из окна, юноша увидел горящий остов корабля на берегу; когда огонь достиг порохового погреба, раздался страшный взрыв. Туземцы, толпившиеся вокруг, отпраздновали это событие единственным доступным им способом — криками и пляской.

Устроив фейерверк, туземцы в очередной раз исчезли, и Эль-Хо вместе с Драагером отправился осматривать место катастрофы; вернувшись, он обнаружил, что в его отсутствие противник овладел замком. Дикари, казалось, были настроены миролюбиво, и Эль-Хо попытался вступить с ними в переговоры, которые закончились тем, что у него отобрали оружие и раздели. Как ни странно, после этого туземцы снова пустились в пляс. Когда танцевальное шоу закончилось, отряд, захвативший его в плен, тотчас же пустился в путь. Юношу не обижали и даже кормили наравне со всеми, хотя внимательно следили за тем, чтобы он не убежал. Пройдя мимо болота, кишашего москитами, процессия вышла на берег большого залива, миновала реку и снова углубилась в лес, где росло множество фруктовых деревьев; там к ним присоединилась новая группа туземцев. Путешествие продолжалось семь или восемь дней; преодолев с помощью плотов несколько рек и пройдя песчаную равнину, они наконец пришли в родную деревню аборигенов.

Его провели в большую хижину, в которой восседал пожилой человек, по-видимому вождь. Он милостиво выслушал рассказ своих подданных и отдал какие-то распоряжения, после чего пленника отвели в дом, где находилось несколько юношей и девушек, которые осмотрели и ощупали все его тело. После непременных песен и танцев одна из девушек подошла к нему и присела рядом. Вождь положил им руки на головы, что-то прокричав, после чего шоу продолжилось. Судя по всему, это был туземный обряд бракосочетания; когда представление закончилось, молодых отвели в пустую хижину, где оставили одних.

Медовый месяц был в разгаре, когда Эль-Хо услышал страшные крики и, выглянув в окно, увидел, что деревня объята пламенем. Молодая жена, рыдая, объяснила, что они стали жертвой нападения безжалостных врагов. Отважный юноша, бросившись к вождю, выказал желание возглавить сопротивление, но тот лишь печально покачал головой и зачем-то затрубил в рог. Выскочив на улицу, Эль-Хо обнаружил вооруженных людей, восседавших на конях. Командир отряда, увидев человека, отличавшегося внешностью от аборигенов, удивился и приказал выдать ему одежду и лошадь. Юноша просил пощадить его родных, и это желание было исполнено. Резня тем не менее продолжилась, при этом туземцы позволяли убивать себя, как скот, не оказывая ни малейшего сопротивления.

Наконец карательный отряд, включая Эль-Хо, которого опять-таки не обижали, но и не отпускали, отправился восвояси. Добравшись до берега, солдаты погрузились на плоты с парусами, которые взяли курс на Кринке Кесмес. По приезде в столицу пленника разместили в частном доме, откуда вызвали в ученую ассамблею, «где заседали двадцать четыре выдающихся человека». Некоторые из них владели голландским, и юноша получил возможность поведать свою удивительную историю, которая поразила всех, кто хоть что-то понял в его рассказе. Проблем, как поступить с ним, не возникло — после проведения ознакомительной экскурсии он был трудоустроен в качестве преподавателя голландского языка в одну из провинциальных школ рабочей молодежи. Профессия учителя, как пишет Эль-Хо, была весьма престижна в этом государстве, поэтому «ни одна из женщин не может быть школь-

ным преподавателем, равно как пьющие или плохо воспитанные люди». По его словам, он усвоил законы этой страны и теперь живет в соответствии с ними, за что и был награжден красным пальто и красной шапкой (местный знак отличия, своего рода аналог «революционных красных шаровар») и получил имя Эль-Хо, что на языке этого народа означало «свободный человек».

Книга Смикса содержит три самостоятельных сюжета. Во-первых, утопический (или антиутопический) рассказ о государстве Кринке Кесмес. Во-вторых, собственно робинзонаду, историю юнга, включенную в повествование в качестве «вставной новеллы», и, наконец, приключенческую линию в духе Хаггарда или Майна Рида, повествующую о схватке юноши с туземцами и его пленении.

Гипотеза о том, что история Эль-Хо послужила одним из главных источников «Робинзона», получила особую популярность среди немецких и голландских ученых, но наиболее горячим ее приверженцем стал американец Луций Л. Хаббард, который перевел труд Смикса на английский. Хаббард утверждал, что история голландского юнга содержит такое количество совпадений с романом Дефо — в эпизодах, сюжетной фабуле и характере героя, — что есть все основания говорить о том, что именно она послужила моделью для «Робинзона Крузо»¹⁷. Книга Смикса, по его мнению, имела реальную подоплеку, которая и придала ей атмосферу достоверности, — в частности, эпизод, связанный с посещением голландским кораблем Западной Австралии в 1697 году. Для поисков пресной воды на берег была послана команда, которая, выполнив поставленную задачу, благополучно вернулась на борт судна. Однако неясности, содержащиеся в корабельном отчете, позволяют сделать вывод о том, что один из членов команды — юнга — мог остаться на берегу и, таким образом, стать прообразом Эль-Хо¹⁸. Впрочем, как считает историк Дэвид Фоссетт, им мог стать и один из моряков, посланных на спасение потерпевшего крушение неподалеку от берегов Австралии судна «Вергулде Драк»; команде судна «Goede Hore» удалось высадиться на берег в районе крушения, однако трое моряков потерялись в бусе, а вслед за ними исчезли еще восемь человек, посланных за ними¹⁹. От себя добавлю, что в этот список можно включить, едва ли не с большим основанием, и юнгу, принявшего активное участие в знаменитом мятеже на «Батавии»; он был приговорен к смертной казни, которую, учитывая его молодость, заменили высадкой на пустынный берег Западной Австралии.

Эпизод, в котором Эль-Хо находит следы в дюнах, по мнению Хаббарда, вдохновил Дефо на создание знаменитой сцены, в которой Робинзон обнаруживает отпечаток голы человеческой ступни на песке («Я остановился, как громом пораженный или как если бы я увидел привидение», — пишет Крузо).

Подобно герою Дефо, юноша не падает духом, оказавшись в совершенном одиночестве. И Робинзон, и Эль-Хо строят собственный укрепленный «замок». Герой Дефо имел два дома, голландец соорудил целый квартал хижин, которые использовал в качестве складов. Оба персонажа вступают в жестокую схватку с туземцами и одерживают над ними победы.

В одной из схваток юнга обезглавливает туземца, и это кровавое действие напоминает Хаббарду аналогичный поступок Пятницы. Американец, на основе анализа нескольких похожих эпизодов в «Крузо» и «Кринке Кесмесе», даже утверждает, что нашел метод, который Дефо использовал в работе над романом: пересказывал

¹⁷ A Dutch Source for Robinson Crusoe; the Narrative of the El-ho «sjouke Gabbes» (also Known As Henrich Texel), An Episode From the Description of the Mighty Kingdom of Krinke Kesmes, Et Cetera by Hubbard, Lucius L. (Lucius Lee). Ann Arbor. George Wahr, Publisher. 1921. Introduction. P. XXXIII.

¹⁸ Там же.

¹⁹ The Strange Surprising Sources of Robinson Crusoe. David Fausett. 1994. P.180.

рассказ Смикса, но в концовке, чтобы скрыть заимствование, менял минус на плюс (съедобное на несъедобное или наоборот). Внимание исследователя привлекли и ошибки, допущенные в «Робинзоне», о которых писал еще первый и самый знаменитый критик писателя, некто Гидеон Гилдон (1665—1724), неудачливый литератор²⁰.

Робинзон, отправившись в очередной раз на затонувший корабль за припасами, раздевается догола; добравшись туда, он набивает несуществующие карманы сухарями. «Как мог Крузо, — гневно вопрошает Гилдон, — заполнить карманы печеньем, когда он был наг?» В следующем издании Дефо одел Крузо в бриджи. Напрасный труд! «Карман бриджей моряка не больше чем кисет и не может вместить какое-либо количество печенья», — не унимался неистовый Гидеон. По мнению Хаббарда, ошибки такого рода были вызваны тем, что Дефо, используя историю Эль-Хо в качестве основы, время от времени путал Робинзона с его голландским прототипом (версия, не выглядящая достаточно убедительной). Еще одним сторонником приоритета Смикса является Д. Фосетт, автор книги «Удивительные и необыкновенные источники Робинзона Крузо»²¹. Фосетт упрекает исследователей творчества Дефо в том, что они ищут прототипов Крузо исключительно в текстах британских авторов, пренебрегая иноязычными, в первую очередь голландскими источниками. Признавая, что в романе Дефо есть много сюжетных линий и эпизодов, которых нет у Смикса, он выказывает уверенность, что их корни можно найти в голландских журналах, отчетах и архивных документах. Именно хроники плавания кораблей Голландской ост-индской компании в Индийском океане, в частности катастрофы, происшедшие с кораблями «Батавия» (1629 г.) и «Вергулде Драк» (1656 г.), и стали, по его мнению, моделью для романа Смикса и тем самым важным звеном в создании жанра литературных робинзоннад.

Еще одна идея исследователя заключается в том, что робинзоны как жанр сформировались под влиянием утопических традиций (стоит вспомнить, что «Утопия» — это название острова из знаменитой книги Томаса Мора «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»). Свои «утопии» на островах создавали многие писатели того времени, такие, как Невилл, Фойни и Варасс; придумал свое «могучее королевство Кринке Кесмес» и Хенрик Смикс. В его книге, впрочем, утопия и робинзоны существовали как бы сами по себе; Дефо же удалось сделать следующий шаг, объединив обе темы в единый сюжет, что и стало главной причиной успеха его романа.

С этой точкой зрения можно поспорить. Авторы утопических (равно как и антиутопических) трактатов действительно переносили выдуманные ими социумы на отдаленные земли и острова, еще не освоенные европейцами, в ту же Австралию; добраться туда можно было лишь проделав долгое и опасное путешествие, и литераторам трудно было противостоять соблазну оживить фабулу приключениями на море, не говоря уже о том, что для путешественников и мореплавателей той эпохи стало доброй традицией включать в повествование откровенные небылицы (стоит вспомнить истории о людях с песьими головами, которые якобы обитали на просторах не столь уж и далекой Московии). Романы Невилла и Смикса действительно были и робинзонадами, и социальными утопиями, но слияние, а точнее, «пересечение» этих жанров было лишь делом случая, а не закономерностью. Приключения Симплициссимуса, например, которые имеют практически столько же общих черт с Робинзоном, — не утопия, а скорее «плутовской» роман.

²⁰ The Life and Strange Surprising Adventures of Mr. D De F, of London, Hosier, who has lived above fifty years by himself, in the kingdoms of North and South Britain. Charles Gildon.

²¹ Fausett, David. 1994. The Strange Surprising Sources of 'Robinson Crusoe'. Amsterdam: Rodopi.

Логично предположить, что Смикс при создании своей книги изучал отчеты о плаваниях голландских кораблей в южных морях и освоения ими Австралии («Новой Голландии»). Но драматические события, которыми сопровождалась эта эпопея, содержатся в его «Кринке Кесмесе» лишь в «снятом» или, на современном языке, «отмодерированном» виде. Из рассуждений Фосетта остается неясным, кому все-таки Дефо обязан больше — книге Смикса или анналам Ост-Индской голландской компании? И если верно последнее, то какие именно события он отразил в своем романе?

Повествование голландского хирурга, простое и во многом наивное, не лишено обаяния, присущего полотнам талантливых художников-примитивистов, но сравнения с шедевром Дефо оно, разумеется, не выдерживает. Общая идея в нем попросту отсутствует, а основные сюжетные линии (социальная утопия, робинзоида и приключения) связаны между собой достаточно условно. Каннибалы Дефо изображены с высокой степенью реалистичности, в поступках же туземцев Смикса отсутствует какая бы то ни было логика: они появляются неизвестно почему и зачем, внезапно исчезают, забыв о добыче, демонстрируют попеременно то агрессию, то миролюбие, а в эпизоде с нападением всадников Кринке Кесмес — пацифизм и непротivление злу насилеиом; мотивы их нападения на убежище отшельника неясны, равно и причины, по которым Эль-Хо становится членом племени и зятем вождя. Могучее королевство Кринке Кесмес изображено не без иронии, но в целом позитивно (не случайно Эль-Хо, довольный полученной им красной шапкой, не собирается возвращаться на родину), однако нападение имперских войск на мирную туземную деревушку — откровенный акт геноцида, который невозможно оправдать.

Наиболее же важное отличие между романами — это образ главного героя. Робинзон попал на остров уже сформировавшимся, взрослым человеком и обладал солидным жизненным опытом, Эль-Хо, в отличие от него, был почти ребенком. Хотя в ту эпоху люди выросли намного раньше, остается только удивляться тому, каким образом подросток 12–13 лет мог быть в такой степени знаком с наукой выживания. Создается впечатление, что мальчик, отставший от команды ради того, чтобы полакомиться фруктами, и юноша, осваивающий неведомую землю и в одиночку сражающийся с полчищами агрессивных туземцев, — это два разных человека. Эль-Хо упорен, настойчив, трудолюбив, смел, изобретателен и находчив, как это и положено главному персонажу жанра «экшн». Но чувствуется ли за типовым набором качеств супермена реальный характер? Робинзон, как мы помним, тяжело переживал свое одиночество и был на грани помешательства и даже самоубийства; нечто похожее происходило и с реальным отшельником, которого часто называют его прототипом, — Александром Селькирком. Герой Смикса пролил несколько скупых слез, читая письмо товарищей, но в целом отнесся к необыкновенной ситуации, в которую попал, на удивление спокойно, не испытав ни душевных терзаний, ни ностальгии. Наивный подросток в мгновение ока превратился в сурового отшельника, охотника и мастера на все руки, а потом и в отважного рейнджера, сражающегося с дикарями, образцового члена туземного племени и, наконец, в законопослушного учителя словесности в школе для мальчиков. Его метаморфозы удивляют читателя сильнее, чем невероятные приключения, и оставляют странное впечатление «гуттаперчевости» героя, который приспосабливается к любой ситуации с такой легкостью, что становится неотличим от персонажа комикса, весь смысл поступков которого заключается в продвижении повествования от завязки к финалу. Впрочем, проблема часто кроется в деталях — а что касается конкретных фактов и деталей, то применительно к ним сходство историй голландского юнга и моряка из Йорка выглядит слишком уж разительным, чтобы оказаться простым совпадением.

В книгах Гриммельсгаузена, Невилла и Смикса можно найти все основные элементы, сюжетные повороты и коллизии, содержащиеся в островной части «Робинзона Крузо», — сцены шторма и кораблекрушения, описание благодатного острова, на котором обитают птицы и козы, рассказ о жизни отшельника (одиноким или разделяемой с товарищами по несчастью), его повседневная деятельность (строительство жилья, изготовление мебели, заготовка леса, приготовление пищи и др.), охота и досуг, подъем ценностей с затонувшего корабля, домашние животные, календарь, дневник и религиозные занятия, конфликты с туземцами (в которых белые люди сразу же начинали видеть каннибалов) или среди самих потерпевших крушение, землетрясение, появление на острове чужих (туземцев, пиратов или буйных моряков, а в истории Симплиция — призраков), пленение, португальский или голландский корабль, несущий спасение, — или на худой конец свежие вести из цивилизованного мира.

Что же такого было в романе Дефо, чего не было в других книгах? Наверное, самого главного персонажа книги — неподражаемого Робинзона Крузо, чьи удивительные приключения начались еще до того, как он попал на необитаемый остров, и продолжились после того, как он его покинул, и Пятницы — бывшего каннибала, ставшего образцовым христианином и верным другом. История Крузо — это приключения не только тела, но и духа, в которых, быть может, самое интересное — это метаморфозы сознания человека, попавшего в исключительные жизненные обстоятельства и сумевшего не просто приспособиться к суровому и замкнутому миру, в котором он оказался, но и вступить с ним в гармонию и тем самым, используя слова классика, «совершить скачок из царства необходимости в царство свободы».

Не секрет, что деятельность писателя и архитектора во многом сходны. Талантливый архитектор создает свои творения из того же материала и тех же конструктивных элементов, что и его менее даровитый коллега по цеху, но, в отличие от него, действует не в рамках традиции или шаблона, а повинуюсь внутреннему голосу своего гения; если результат деятельности первого по большей части предсказуем (пусть и в самом позитивном смысле этого слова), то истинный творец, вечно озабоченный тем, как воплотить абстрактные идеалы в рамки тех форм и ограничений, которые накладывает на замыслы художника низменная реальность, не задумываясь выпускает на волю то, что принято называть творческой стихией. Нечто подобное происходит и в литературной сфере.

Очевидно, что роман Дефо, не являясь первым произведением жанра, названного по имени главного персонажа, стал для него тем, что принято называть «наше все», — каноном, символом, квинтэссенцией и сияющей вершиной литературного направления, а сам Робинзон Крузо, неутомимый путешественник и мудрый отшельник никогда не существовавшего в реальности острова в устье Ориноко, — своего рода «культовым образом», одним из литературных персонажей, которые, по мнению Яна Уатта, оказали настолько сильное влияние на духовную жизнь европейского общества, что стали «мифами западной цивилизации»²².

²² Myths of modern individualism: Faust, Don Quixote, Don Juan, Robinson Crusoe. Ian Watt. Cambridge University Press. 1996.